

**"АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ" В
РОМАНЕ КУРТА ВОННЕГУТА "СИНЯЯ БОРОДА"**

Взаимоотношения творческой личности и ее жизненной истории раскрывают мир ее искусства. История жизни Рабо Карабекяна была как бы несуществующей коллекцией мастеров школы абстрактного экспрессионизма. По словам самого Воннегута, это было не что иное, как собственные идиосинкретические ответы на то или иное явление. Роман Воннегута посвящен раннему периоду экспрессионистского искусства, когда художник воспроизводил лишь свой внутренний мир. Все остальное считалось бездарным. Многие из того, что вложил автор в этот роман, было продиктовано гротескной ценой, заплаченной за произведения искусства прошедшего века.

Не было никакого Рабо Карабекяна, как не было и Тери Китчена, или Крис Берман, или Пола Слезингера, или Дена Грегори, Эдит Тафт и Марли Кемп. И вообще, в реальности не существовало ни одного из главных персонажей этой книги. В случае с реальными и известными людьми, Воннегуту нечего было бы сказать, доказать и опровергнуть посредством выбора совершенно иной тематики в его творчестве. Автобиографический рассказ Рабо Карабекяна, армянина, чьи родители пережили "первый" геноцид, не был похож на остальные произведения автора. Первая книга, принесшая славу Воннегуту, была "Бойня №5" (Slaughterhouse- Five), где бомбежки Дрездена рисовали картину другого геноцида... И вот спокойное, безошибочное возвращение к чисто реалистической теме, но без всяких авторских "трюков" и, как ни странно, с оптимистическим концом, воплощенное в одном из последних романов, в "Синей Бороде" (1987). Несмотря на то, что роман протагонистичен, бывшему абстрактному экспрессионисту Карабекяну автор предоставляет возможность взглянуть по-новому на свою карьеру и обрести понимание того, что он может жить и продолжать творить.

Экспрессионизм Рабо Карабекяна отображал внутренний мир художников, чье искусство по сути было деструктивным. В

одном из своих интервью Курт Воннегут дает довольно точное объяснение тому, что называется жизнью творческой личности. Он говорит: "В моей вступительной статье к специальному изданию "Синей Бороды" я пишу о том, почему Джексон Поллок был так несчастлив в конце своей короткой жизни: ему не хватало маневренности, так как он, на самом деле, был пойман в ловушку обществом и своим собственным талантом, нуждающимся в том, чтобы делать то, что он делал. Его неприспособленность была продуктом общественного запроса, который был чем-то вроде "Вот эти вещи слишком ценны. Я должен продолжать делать это". Проблема была в том, что он не имел большого выбора и не умел очень хорошо рисовать. Но с другой стороны, он мог рисовать, а его учителя указывали ему, что надо делать, и слишком много исправили в его работах"². Внутренний мир художников ограничивался тем, что можно и чего нельзя. Массовый вкус и индивидуальное восприятие рисовали образ Синей Бороды. Автобиографическое разъяснение Рабо Карабекяна раскрывает здесь художественный замысел: "Синяя Борода - или никудышный психолог, или слишком хороший; если принимать во внимание факт того, все его новые жены могут подумать о том, что скрывается за дверью... Я сказал ей (Крис Берман, прим. А. Е.) в последний раз, когда она спросила меня пять минут назад: "Послушай, думай о чем-нибудь другом, о других вещах. Я Синяя Борода, и моя студия - моя потайная комната, постольку поскольку это касается тебя".³ И что примечательнее всего, ключи от этой потайной комнаты были "погребены в золотом гробу" у подножья горы Арарат. Огромное полотно, спрятанное Рабо в своем картофельном амбаре, было тем, что Воннегут называл "экспрессионистским ответом на саму жизнь"⁴, а объяснением или "ключами" были армянские корни, родители, пережившие ужас геноцида, воспоминания детства и сыгравшие важную роль в истории благородных Карабекянов ковбойские сапоги. По всей вероятности, Воннегут в выбор этой обуви вкла-

² William Rodney Allen. Conversations with Kurt Vonnegut p. 265-266

³ Kurt Vonnegut, Bluebeard, New York, 1987, p. 46-47

⁴ William Rodney Allen. Conversations with Kurt Vonnegut p. 266

дывает определенный смысл. Эти сапоги символизируют свободу простого американца и, в то же время, они являются психологической метафорой; они защищают и "обороняют" то, на чем мы стоим - наши ноги. В архетипическом символизме ноги представляют мобильность и свободу. В этом смысле, иметь, мастерить и надевать обувь означает быть уверенным в своих надеждах и поступках. Рабо Карабекян, в отличие от своих творческих друзей, сумел оправдать свое предназначение и разрешил внутренний конфликт Синей Бороды.

Как и в одноименной сказке, женщины сыграли немало-важную роль в возвращении художника к жизни. Женщины в моральном плане оказались превосходны и сумели вырвать Рабо из лап холодного, эстетичного интеллектуального мира маскулинности и перенести его в живой мир. В конце романа дом "плодоносит", он снова производит искусство: Рабо рисует, Крис Берман пишет свои романы, и даже потерявший себя Пол Слезингер возвращается домой. Возникает новое сообщество, новый творческий потенциал. Роман "Синяя Борода" - одно из тех нетипичных для автора произведений, которые в данном случае, разрешаются новой надеждой. Здесь следует отметить, что Воннегута причисляли к "черным юмористам", иногда даже - к сатирикам. Автор в одном из своих интервью наилучшим образом определяет свое место в литературе. Он говорит: "Сейчас я читаю огромное количество лекций в университетах, и люди просят меня объяснить им значение "сатиры", а вы знаете, я себя не утруждал посмотреть это слово в словаре. Я не могу сказать, сатирик ли я? Другое дело, что я магистр химии в Корнеле. Я никогда не интересовался такими вопросами. Мне никогда не было важно знать, что я вот это или то".⁵

Воннегута важнее всего было его творчество, и тот коммерческий успех, который он имел от огромного количества маленьких рассказов для разных журналов Америки. Многие критики не простили ему этой "роскоши" и полностью игнорировали его произведения. Но он продолжал писать, отстаивая свой индивидуальный вкус, и, более того, подчиняя вкус читателя

⁵ там же р.3

своему замыслу. Читатели видят спокойный, полный юмора, хорошо отшлифованный и рациональный протест против "бесчеловечности к человеку".⁶ Его герои ищут свободу самовыражения и в некоторых отдельных случаях находят ее. Рабо Карабекян превращает свою биографию в историю экспрессионистского искусства и пытается выйти из того депрессивного состояния, которое было присуще его друзьям. Нередко, в произведениях Воннегута человеческие существа не в состоянии контролировать то, что происходит. Это ведет к пессимизму и фатализму, к чувству того, что в этом мире все неправильно. В середине "Синей Бороды", на странице 150 — и, кажется, автор не случайно выбирает середину — дается список всех абстрактных экспрессионистов, покончивших самоубийством. Тема самоубийства, несмотря на завуалированность, проходит по всему роману. Рабо считает, что эти самоубийства являются "демонстрациями конечной неудовлетворенности".⁷

Вот здесь возникает вопрос: "Что или кто спасает Рабо Карабекяна от аналогичного финала?" Мы знаем из рассказа героя, что он был плохим отцом и мужем и что больше всего он чувствует виноватым себя именно за это. Он впадает в депрессию. И все-таки ему помогают найти выход из этого состояния, более того, ему возвращают вкус к жизни. Как говорит автор: "Я полагаю, он мог бы быть мертв. Он считал себя умершим, фактически после того, как Поллок и Китчен совершили самоубийство".⁸ Смерть жены Эдит, смерть друзей наполняет страданием и болью внутренний мир Карабекяна и потерянное детство проецируется на экспрессионистское полотно. Вероятно, что запускным механизмом выхода из состояния неудачника и депрессивного художника является Крис Берман. Ее женское любопытство и творческий потенциал высвобождают накопившуюся в Рабо за столькие годы энергию и заставляют его открыть потайную дверь своей жизни. Открыв потайную дверь, Рабо Карабекян вновь обретает себя. Он удовлетворяет внутренний голод и, как советует ему Крис, "благодарит душой свое тело

⁶ там же p.11

⁷ Kurt Vonnegut, *Bluebeard*, New York, 1987, p. 151

⁸ William Rodney Allen. *Conversations with Kurt Vonnegut* p. 281

за то, что оно наконец-то сделало что-то прекрасное".⁹ Крис Берман помогает ему пройти через все это, трансформироваться и услышать те звуки вселенной, о которых она рассказывает в начале романа. Но не только Крис напоминает ему о его предназначении. Параллельно в романе "живет" образ Дена Грегори или Грегориана, который, по сути, предрешает судьбу Рабо. Кажется, герой находится в состоянии поиска отца. Его же отец оказывается слаб, он просто "уходит" после того, как он и его жена оказываются обманутыми и лишаются состояния по вине какого-то армянина в Каире. Но и "найденный" отец портит ему жизнь, подчиняя его творческий порыв своему диктату. Герой превращается в Синюю Бороду и, замыкаясь в себе, рисует свои состояния в картофельном амбаре.

Воннегуту удастся мастерски представить конфликт внутреннего мира художника и окружающих его людей. Рабо создает свой идеально-иллюзорный мир, чтобы компенсировать свое одиночество и покинутость. Он не придает значения находящимся с ним рядом людям и откровенно удивляется, когда его прислуга Аллисон Уайт возмущается, что он никогда за столько лет не называет ее по имени. Рабо признается, что "его первая жена Дороти говорила, что он относится к ней так, как будто ему все равно как ее зовут и будто ее вообще нету".¹⁰ Безразличие Карабекяна к реальному миру всего лишь защитная реакция. Все его переживания вырываются наружу, когда он берет в руки кисть. И даже самые далекие воспоминания оживают, и Рабо доказывает вечность мироздания. Он говорит: "Я делаю это для моей матери. Она даже не была Карабекян по рождению, но она была именно тем человеком, который хотел, не важно где, не важно как, чтобы имя Карабекян вечно существовало".¹¹

Слова главного героя раскрывают скрытый замысел персонажей Воннегута. Трагическая судьба Аршила Горького, одного из своеобразных экспрессионистов XX-ого столетия, становится прототипом известного нам Рабо Карабекяна. Пережитый им

⁹ Kurt Vonnegut, *Bluebeard*, New York, 1987, p. 300

¹⁰ там же p.132

¹¹ Kurt Vonnegut, *Bluebeard*, New York, 1987

геноцид, и особенно воспоминания детства, которые постоянно возвращаются к образу матери, "предсказывают" направленность его искусства. Но сам художник не находит в себе силы преодолеть внутренний конфликт, и, как многие представители экспрессионистского направления, кончает жизнь самоубийством...

Вполне возможно, что трагичность судьбы Аршила Горького в некоторой мере была связана с историей отца художника. Седрак Адонян, отец Аршила, в 1908 году сбежав от турецких войск, обосновался окончательно в Америке, покинув жену, своего единственного сына и трех дочерей. Пройдут годы, но Горький не сможет смириться с поступком отца и не будет с ним даже общаться. Имя Рабо Карабекяна было просто именем и фамилией, тогда как псевдоним "Горький" было выбрано в связи с русским словом "горечь", а "Аршил" было вариацией французского "Ачил" (Achille) — героя, который с горечью и томлением ожидал какого-нибудь знака, что он признан и востребован. Востребованность и признанность Горького была задущена его воспоминаниями, а "нужность" Карабекяна сумела возродиться и продолжать творить. Важен тот факт, что "Синяя Борода" — первая книга, у которой имеет счастливый конец. Рабо пишет свое полотно как историю пяти тысяч индивидуальных жизней, и он представляет сначала каждую жизнь, и только после этого рисует каждого человека. Аналогичным методом Курт Воннегут пишет свои произведения: он посвящает свою книгу какому-либо индивидуальному характеру или многим характерам, но действительно "рисует" их тщательно и глубоко. Каждый из его героев — это маленькая часть того всеобщего мироздания и той памяти, которая заставляет нас осмыслить и оправдать нашу жизнь. Каждая его книга требует своего логического завершения. И как говорит сам Воннегут: "Если вы пережили эту 150-ую страницу, значит все под контролем. Этим и определяется соответствующий конец".¹² Середина книги была пройдена Рабо, благодаря Крис Берман, а она сама, наверное, выжила, раскрыв смысл предсмертных слов мужа. Эти последние слова были потрясающей аналогией человеческой жизни, эти слова определяли место и предназ-

¹² William Rodney Allen. *Conversations with Kurt Vonnegut* p. 282

начение каждого человека. Будучи нейрохирургом, муж Крис подытожил свою жизнь тем, что он на самом деле был "починщиком радио". Люди для него были своеобразными машинами, и когда он с ними работал, он чувствовал нечто иное, чем то, что должен чувствовать врач. Он понимал, что важно было только то, что человек пропускает через себя, важно то, что он на самом деле хочет сделать — только это приносит ему блаженную радость. Именно это, по словам Вильяма Карлоса Вильямса, было то, что он (Аршил Горький, прим. А.Е.) создавал, с интенсивностью восприятия, таким образом, что оно оживало в своем особом движении¹³. Это движение было абстракцией существования и экспрессионизмом внутреннего мира художника. Дверь запретной комнаты Синей Бороды была открыта, и полотно Рабо Карабекяна "рисовало" слова Аршила Горького: "Я рассказываю самому себе истории, часто, когда я рисую, истории, которые ничего общего не имеют с рисованием. Вы когда-либо слышали истории ребенка, который рассказывает, что это дом, это человек, а это корова в лучах солнца... тогда как его карандаш очевидно бродит по бессмысленным каракулям на бумаге? Мои истории часто приходят из детства. Моя мать рассказывала мне много историй, в то время как я утыкался лицом в ее длинный фартук и закрывал глаза. У нее был белый фартук, такой, какой был на портрете, и еще другой, который был вышит. Ее истории и вышивка на ее фартуке смешивались у меня в голове, когда я закрывал глаза. И всю мою жизнь, ее истории и ее вышивка хранили разгаданные картины в моей памяти. И это все, если я сижу перед чистым белым полотном..."¹⁴.

¹³ "It is what he makes, with such intensity of perception that it lives with an intrinsic movement of its own."

¹⁴ I tell stories to myself, often, while I paint, often nothing to do with the painting. Have you ever listened to a child telling that this is a house and this is a man and this is the cow in the sunlight... while his cryon wonders in an apparently meaningless scrawl all over the paper? My stories are often from my childhood. My mother told me many stories while I pressed my eyes closed. She had a white apron like the one in her portrait, and another embroidered one. Her stories and the embroidery on her apron got confused in my mind with my eyes closed. All my life her stories and her embroidery keep unraveling pictures in my memory. If I sit before a blank white canvas...